

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА. (*)

1790—1815.

VI.

Отступление неприятеля. — Различныя военныя сцены. — Военная добыча. — Маршъ до Вильны.

Лишь только французы рѣшились отступать, мы принялись настойчиво преслѣдовать ихъ. Милорадовичъ, съ сильнымъ авангардомъ, былъ посланъ вслѣдъ за ними по пятамъ; Кутузовъ, съ главною арміею, пошелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи по боковымъ дорогамъ, на одной высотѣ съ неприятельскою арміею. Обходное движеніе продолжалось въ этомъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока нашъ авангардъ не столкнулся съ французами подъ Вязмою (22-го октября). На этотъ разъ мы были атакующими; къ сожалѣнію, Кутузовъ не поддержалъ Милорадовича, хотя находился въ самомъ близкомъ разстояніи, ясно слышалъ гулъ канонады, а войска нетерпѣливо желали принять участіе въ бою. Правда, въ дѣлѣ подъ Вязмою неприятель и безъ того понесъ большой уронъ, но оно было бы для Наполеона несравненно гибельнѣе, если бы Кутузовъ ввелъ въ огонь главныя силы. Онъ рѣшительно отвергалъ всѣ предложенія о настойчивомъ преслѣдованіи французовъ, и отвергалъ, смотря по расположенію духа, то насмѣшливою улыбкою, то сердито и сурово. Наскучивъ бездѣйствіемъ въ главной квартирѣ, я попросился однажды у князя въ авангардъ, но получилъ грозный отвѣтъ: — „Ба! — вскричалъ фельдмаршалъ — не всѣмъ же быть въ авангардѣ. И здѣсь найдутся занятія для людей мужественныхъ и для вѣрныхъ слугъ. *Мое дѣло знать: кому гдѣ быть.*“

(*) См. № 7-й „Военнаго Сборника“.

Мы шли будто въ мирное время, и только приводимые плѣнные генералы, офицеры и солдаты напоминали намъ о войнѣ. Не зная какъ убить время, я, для разнообразія, не всегда являлся къ обѣденному столу фельдмаршала, но обѣдалъ или у герцога Александра Вюртембергскаго, или у наследнаго принца Августа Ольденбургскаго. У послѣдняго я часто встрѣчалъ известнаго генерала сэра Роберта Вильсона, англійскаго комисара при нашей арміи. Это былъ длинный, худой англичанинъ, одержимый маніей ~~сражаться~~ ^{стрѣлять} пулямъ. Подобная страсть дѣйствительно можетъ обратиться въ манію, какъ я самъ извѣдалъ на опытѣ. Сравнивая, въ тѣ дни, мое тѣло съ тѣломъ длиннаго англичанина и находя обѣ наши фигуры подобными, я приходилъ иногда къ мысли, что пулеманія преобладаетъ именно въ сухопавыхъ людяхъ, которые какъ будто испытываютъ, не ~~полетѣли ли они~~ ^{полетѣли ли они}, и не могутъ ли, вслѣдствіе того, служить пѣлюю для пуль. Въ дождливые дни сраженія подъ Дрезденомъ, Вильсонъ развѣзжалъ въ своемъ клеенчатомъ плащѣ, раздуваемомъ осеннимъ вѣтромъ. При взятіи штурмомъ большаго сада, ядро срѣзало этотъ топорщившійся, словно пузырь, плащъ; но самъ хозяинъ уцѣлѣлъ невредимо на своей поджарой и кургузой лошади.

У герцога Александра Вюртембергскаго я не встрѣчался съ Вильсономъ и не слышалъ его разглагольствій на ломаномъ англо-французскомъ языкѣ, но за то внималъ остроумнымъ разговорамъ самого герцога о событіяхъ дня и вообще о военныхъ предметахъ. Знаніе дѣлъ и опытность онъ соединялъ съ рѣдкимъ даромъ слова. Никакой членъ парламента, никакой ораторъ не говорилъ лучше его. Притомъ герцогъ вполнѣ владелъ французскимъ языкомъ. Несмотря на то, что подчасъ походный обѣдъ выдавался далеко не лакомый, какъ иначе и не могло быть въ опустошенномъ краѣ, гдѣ, на сторонѣ нашихъ противниковъ, и короли не брезгали конскимъ и кошачьимъ мясомъ, я всегда съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшилъ воспользоваться умною и поучительною бесѣдою герцога.

Между тѣмъ какъ я вращался, такимъ образомъ, въ главной квартирѣ и въ окрестностяхъ — герцогъ и принцъ не останавливались въ одной деревнѣ съ фельдмаршаломъ — желаніе мое попасть въ авангардъ исполнилось, благодаря хлопотамъ одного моего вѣрнаго друга и ратнаго товарища. Эту услугу оказалъ мнѣ князь Кудашевъ, зять Кутузова. Я полу-

чилъ письменное порученіе къ Милорадовичу и имѣлъ приказаніе остаться при немъ до исполненія оного.

Взявъ двухъ подручныхъ лошадей и одну выючую, и въ сопровожденіи двухъ казаковъ и двухъ рейтхнехтовъ, пустился догонять нашу авангардъ. Поехъ двухъ дней вѣды, я наткнулся (28-го октября) на французскій арьергардъ, и во всякое другое время погибъ бы несомнѣнно; но теперь неприятельская армія дошла до такого положенія, что никто и не думалъ преслѣдовать меня. Пѣхота продолжала идти утомленнымъ, колеблющимся шагомъ, не обращая вниманія на непрошеннато гостя, который остановился въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ большой дороги. Только офицеры, посмотрѣвъ на меня, переговорили между собою, послѣ чего я былъ привѣтствованъ единственнымъ выстрѣломъ.

Простоявъ нѣсколько времени на своемъ случайномъ наблюдательномъ посту, я увидѣвъ наконецъ голову нашего авангарда и остался при войскахъ, спѣшившихъ къ Дорогобужу. Вся большая дорога была завалена неприятельскими тѣлами, умирающими и палыми лошадьми. Зрѣлище ужасное; о которомъ никто, не видавшій его, не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія.

Несмотря однако на свое очевидное разстройство, французскій арьергардъ оказалъ въ Дорогобужѣ довольно сильное противодѣйствіе. Высоту у города и обнесенное оградой кладбище надлежало брать приступомъ. Дѣло это исполнилъ принцъ Евгений Вюртембергскій со свойственными ему сообразительностію и рѣшительностію. Когда мы овладѣли городомъ, половина его была разорена, другая горѣла. Милорадовичъ принужденъ былъ два раза, въ продолженіе ночи, выходить изъ занимаемаго имъ дома, начинавшаго горѣть. Вообще повсюду являлись бѣдственные слѣды неприятельскаго нашествія. До двухъ тысячъ пѣхотныхъ, помѣщенныхъ въ пустыхъ строевнхъ, были оставлены безъ всякаго призернія; но и наши солдаты очень нуждались въ самомъ необходимомъ. Между тѣмъ, хотя было еще и не очень холодно, но снѣгъ валить густыми хлопьями.

Какъ бы предчувствуя событія наступающей ночи, я рѣшился отыскать себѣ помѣщеніе въ слободѣ, за Давпромъ; куда еще не вступали наши войска. Здѣсь скрывались французскіе дезертеры, которые хотѣли только переночевать и по-

томъ бѣжать далѣе, впередъ или назадъ, какъ случится. Несчастные до того упали духомъ, что появленіе мое не произвело на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, а когда я семь-пятъ вошелъ въ домъ, гдѣ ихъ расположились до двѣнадцати чело-вѣкъ, они безпрекословно очистили намъ мѣсто. Хозяинъ дома, мѣщанинъ, едва завидѣвъ меня, русскаго офицера съ орденомъ, перекрестился и отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ, но въ тотъ же самый моментъ схватилъ ножъ, выбѣжалъ на улицу и съ такою быстротою закололъ четверыхъ французовъ, что я не успѣлъ даже подумать остановить его. Послѣ этого онъ поднялъ страшный крикъ, созвалъ сосѣдей и требовалъ истребить всѣхъ суностратовъ. Всякаго француза, попадавшагося на глаза, мѣщанинъ закалывалъ безъ милосердія. Его примѣру послѣдовали и другіе сбѣжавшіеся обыватели... На улицахъ и въ домахъ началась рѣзня... Безоружные, голодные, истомленные французы, не будучи въ состояніи сопротивляться, спасались черезъ плетни и заборы въ поле; но въ тѣ, которые попались въ руки озлобленныхъ жителей, погибли.

Хозяинъ мой возвратился съ опроважденнымъ ножомъ въ рукѣ, похваляясь, что утомилъ два десятка французовъ, вытеръ ножъ, положилъ его подъ подушку, перекрестился передъ образами и сказалъ мнѣ: „Я долго молился Богу, чтобы Онъ допустилъ меня наказать нехристей, которые поганятъ нашу православную землю и оскверняютъ наши святые храмы. Господь услышалъ мою грѣшную молитву. Я не сводилъ глазъ съ моего ножа, во все время, пока суностраты хозяйничали здѣсь, и вотъ теперь развѣдался съ ними. Слава тебѣ, Создателю! Слава Иисусу Христу и всѣмъ святымъ!“

Онъ говорилъ это съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; глаза его сверкали; все тѣло дрожало. Успокоившись нѣсколько, мѣщанинъ прибавилъ: — „Вы, баринъ, первый, въ которомъ я увидѣлъ вѣстника побѣдоноснаго воинства нашего всемилостивѣйшаго государя: все мое имущество — ваше; берите что вамъ угодно...“

Привожу этотъ грустный случай въ доказательство того, какъ глубоко былъ оскорбленъ народный духъ, какъ много выстрадали несчастные жители подъ господствомъ надменныхъ пришельцевъ. Хозяинъ мой нисколько не заботился о моемъ одобреніи или неодобреніи совершенныхъ имъ убійствъ; напротивъ, онъ полагалъ, что исполнилъ только свой долгъ, и, какъ

ни въ чемъ не бывало, принялся угощать меня и моихъ людей. Съ помощью жены своей, онъ приводилъ половину и вытаскивалъ изъ подполья всякаго рода съестные припасы. Подаривъ себя немного пивомъ и хлѣбомъ и занятивъ за гостеприимство, я расположился отдохнуть на медвѣжьей шкурѣ, которую везъ съ собою во вьюгъ, и скоро заснулъ.

Отдыхъ мой былъ однако непродолжителенъ: меня разбудили близкіе выстрѣлы. Вся улица была осыпана заревомъ пожара; трескъ выстрѣловъ не прекращался. Я выскочилъ на дворъ. Горѣлъ сарай, въ которомъ страдали наши лошади, и казани съ дѣтскими хлопотали о выводѣ ихъ. Въ воздухѣ были слышны свистъ и трескъ снарядовъ, но не раздавалось никакого боеваго крика: только ночной вѣтеръ завывалъ и гналъ густые хлопья снѣга. Въ первую минуту я не зналъ что подумать; но одинъ казакъ, осмотрѣвшись, замѣтилъ: — „Эго, ваше высочайшее, должно быть, французскіе зарядные ящики взрываютъ на воздухъ.“ — Вскорѣ потомъ прибѣжалъ нашъ хозяинъ. — „Ахъ нехристи! собаки!“ — кричалъ онъ — „водъ везли въ Дибирю двадцать или тридцать своихъ проклятыхъ ящиковъ, подожгли ихъ, а сами дали тягу! Вотъ теперь все и взорвало! Погибнетъ въ-конецъ нашъ городъ; перебьютъ нашихъ женъ и дѣтей!“

Французы дѣйствительно подожгли свои зарядные ящики, которыхъ не могли увести. Опасность дѣйствительно угрожала отъ взлетающихъ постепенно ядеръ и гранатъ; но я старался увѣрить хозяина, что все скоро кончится, и въ доказательство легъ опять спать, высклавъ себѣ мѣстечко, предохраненное по возможности отъ дѣйствія снарядовъ и пожара. По причинѣ тревожно проведенной ночи, я проспалъ, и когда на утро переправился черезъ Дибирь въ Дорогобужъ, Милорадовичъ уже выступилъ, но не по большой дорогѣ, а по проселкамъ, гдѣ еще можно было найти кое-какое продовольствіе. Напрасно однако усиливался я отыскать и нагнать его. Вьюга раздѣлалась; всѣ проселки завалило снѣгомъ; я попалъ въ болото и послѣ блужданія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, считалъ себя счастливымъ, что опять выбрался на почтовую дорогу. Къ вечеру едва-едва донеслись мы до переправы черезъ Дибирь у Соловьева, гдѣ расположился французскій аріергардъ для обороны этой переправы. По большой дорогѣ за непріателемъ слѣдовалъ только 1-й егерскій полкъ съ новороссійскими драгунами и

одного казачьяго полкомъ, и голову командовавшей отрядомъ полковникъ Карпенко, считая себя слабымъ для атаки, занялъ наблюдательную позицію въ некоторомъ отдаленіи, на опушкѣ лѣса. По тщательно собранному мною на пути свидѣніямъ, я зналъ, что здѣсь должны были находиться наши войска, но, достигнувъ мѣста, никакъ не могъ отыскать Карпенку, по причинѣ сильнѣйшаго сибѣжнаго урагана. Крутились ни кола, ни двора; холодный вѣтеръ бросалъ въ лицо кучи снѣгу; я чувствовалъ оцѣпененіе членовъ, смотря безотрадно впередъ и не зная на что рѣшиться. Вдругъ, сверху крутящаяся сибѣжную мглу, мелькнулъ огонекъ; объемъ его быстро расширился, и я увидѣлъ, что это бивуачный огонь. Еще не зная, французскій или русскій бивуакъ былъ тутъ, я поѣхалъ однако по направленію къ нему, вскорѣ услышалъ окликъ нашего часового и очутился среди храбрыхъ молодцовъ Карпенки. Егеря его промыслили гдѣ-то въ чащѣ лѣса старый палатъ, разломали его на дрова, которые теперь весело трещали въ роковымъ бивуачномъ кострѣ. Карпенко, знакомый мнѣ еще съ Ревеля, гдѣ былъ расположенъ его полкъ на постоянныхъ квартирахъ, принялъ меня радушно у своего походнаго очага. Явился благодѣтельный чай, закуска, и все труды и лишения были забыты. Эту ночь провелъ я не на медвѣжьей шкурѣ, а *подъ* нею, совершенно закутанный. Когда я проснулся, на мнѣ лежалъ слой снѣга до двухъ дюймовъ.

Лѣсъ, на опушкѣ котораго бивуакировалъ 1-й егерскій полкъ, былъ наполненъ скрывающимися тамъ французами. Когда костеръ разгорѣлся, нѣкоторые изъ нихъ отважились выйти изъ тущобъ, приближались безоружные къ огню и грѣлись, чему егеря наши нисколько не препятствовали. Малотого: Карпенко, увидѣвъ злополучныхъ гостей, предложилъ егерямъ предоставить въ ихъ распоряженіе весь костеръ, что и было исполнено нашими солдатами съ готовностію. Проснувшись, я удивился неожиданному зрѣлищу: вокругъ огня нѣсколько сотенъ французовъ лежали или сидѣли на порточкахъ. Они, въ буквальный смыслъ, овладѣла апатія: жить или умереть казалось имъ все равно; они хотѣли только согрѣться, чтобы хотя на минуту забыть страданія настоящей минуты — слѣдствія холода и голода. Когда мы поднялись въ походъ, французы остались у нашихъ огней. О забираіи плѣнныхъ мы теперь и не думали, потому что не хотѣли отрягать людей для

конвоя, что, впрочемъ, часто служило къ несчастію нашихъ враговъ: предоставленные самимъ себѣ, они или погибали голодною смертію, или попадались въ руки ожесточенныхъ крестьянъ.

Утро было ясное, солнечное. Простившись съ гостеприимнымъ полковникомъ, я направился влѣво отъ большой дороги по проселку, имѣя въ виду достигнуть головную часть нашего авангарда, которую велъ генералъ Юрковскій. Карпенко преслѣдовалъ французовъ по большой дорогѣ къ Смоленску, гдѣ впоследствии онъ соединился съ Платовымъ, шедшимъ вслѣдъ за вице-королемъ, по правому берегу Днѣпра. Милорадовичъ же двигался со своимъ корпусомъ по проселочнымъ дорогамъ, по лѣвую сторону Смоленска. Это доставило намъ возможность имѣть нѣсколько дней спокойнаго марша и получить достаточное продовольствіе. Лошадей разсѣдали; сумскіе и елисаветградскіе гусары, находившіеся при отрядѣ Юрковского, нашли даже въ деревняхъ хорошія квартиры, которыхъ не имѣли съ самаго начала кампаніи; эскадронные командиры тотчасъ же воспользовались случаемъ подковать коней на острые шипы. Въ зимній походъ это должно быть непремѣннымъ условіемъ. Сколько орудій и обоза потеряли французы единственно потому, что не приняли такой предосторожности, и какую жалкую роль играла ихъ кавалерія!

Генералъ Юрковскій предложилъ мнѣ остаться при немъ, на что я согласился съ радостію. Отрядъ его состоялъ изъ двухъ названныхъ гусарскихъ полковъ, двухъ казачьихъ полковъ и шести конно-артиллерійскихъ орудій. Онъ имѣлъ приказаніе слѣдовать на большую дорогу между Смоленскомъ и Краснымъ и занять позицію у Ржавки; но, не доходя до назначеннаго мѣста, мы наткнулись, около девяти часовъ вечера, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги, на отрядъ непріятельской кавалеріи, который расположился по ту сторону плотины и выставилъ на ней два орудія. По сую сторону плотины стояли, въ видѣ авангарда, два эскадрона.

Юрковскій не считалъ себя довольно сильнымъ атаковать непріятеля немедленно; онъ хотѣлъ дожидаться утра, чтобы прогнать французовъ или атакою съ фронта, или обходомъ. Я замѣтилъ, что еще можно воспользоваться остаткомъ дня для попытки; если попытка не удастся, мы останемся въ прежнемъ положеніи, а въ случаѣ успѣха мы отбросимъ непріятеля на

большую дорогу и тѣмъ произведемъ немалое замѣшательство между двигавшимися по ней колоннами. Успѣхъ казался мнѣ вѣроятнымъ, судя по разстройству нашихъ противниковъ. Генераль колебался, однако далъ мнѣ четыре эскадрона для рекогносцировки. Со мной отправились майоры Лесовскій, съ двумя эскадронами сумцевъ, и Розенъ, съ двумя эскадронами елисаветградцевъ.

Я не удовольствовался рекогносцировкой. Два эскадрона Лесовскаго бросились на непріятеля, прогнали его, устремились вслѣдъ за бѣгущими черезъ плотину, захватили оба орудія и изрубили всѣхъ, кто только сопротивлялся имъ. Эскадроны Розена, назначенные мною для поддержки, увидѣвъ успѣхъ атаки, также помчались черезъ плотину, атаковали непріятельскій резервъ, отбросили его, взяли до двухсотъ плѣнныхъ, а остальныхъ разсѣяли. Дѣло продолжалось не болѣе четверти часа, но побѣда была полная, пріобрѣтенныя выгоды важны: мы стояли теперь непосредственно на линіи сообщенія противника. По причинѣ наступившей темноты, мы болѣе ничего предпринять не могли. Я собралъ людей и расположился bivуакомъ въ верстѣ отъ большой дороги, намѣреваясь, съ разсвѣтомъ, не терять ни минуты.

Въ дѣревушкѣ, оставшейся за нами послѣ боя, мы нашли нѣсколько превосходныхъ верховыхъ коней, которыхъ бѣжавшій непріятель не успѣлъ увести, два фургона, принадлежавшіе французскимъ генераламъ, а надъ разведеннымъ огнемъ кипѣвшіе котлы, до которыхъ французы не имѣли времени и дотронуться. Наши люди взяли часть съѣстнаго, остальную же отдали крестьянамъ, увѣрявшимъ насъ со слезами, что они голодаютъ уже двое сутокъ.

На другой день, 3-го ноября, замѣтили мы на смоленской дорогѣ французскія колонны. Наполеонъ только-что прослѣдовалъ со своею гвардіей; мимо насъ шли прочія войска, обозъ и отсталые; вице-король, Даву и Ней были еще позади. Юрковскій приказалъ атаковать арьергардъ, при чемъ мы взяли много плѣнныхъ, нѣсколько фуръ и четыре орудія; но все это теперь считалось уже ни за что, и на подобную добычу уже не смотрѣли какъ на особенный подвигъ, потому что прислуга при орудіяхъ почти не оборонялась, а лошади еле тащили ноги. Упадокъ духа во французскихъ войскахъ былъ таковъ, что мы свободно развѣзжали, среди ихъ, по дорогѣ и брали изъ

колоннѣ то, что хотѣли, лишь изрѣдка встрѣчаемые безарядными выстрѣлами. Иногда собирались, правда, кучки по десяти и двадцати чедовѣкъ, показывавшія намѣреніе сопротивляться; но мы пропускали ихъ не трогая и нападали на другія. Гарцуя такимъ образомъ около непріятельскихъ колоннъ, мы забирали телѣги и фуры и всякаго рода добычу. Солдаты наши пріобрѣли очень много.

Въ это время къ намъ примкнулъ партизанъ князь Кудашевъ. Вскорѣ затѣмъ на большой дорогѣ показалась сильная непріятельская колонна; она имѣла три орудія съ хорошою запряжкой и конвоировала нѣсколько фургоновъ. Кудашевъ уговорилъ Юрковского ударить на колонну, что и было исполнено немедленно. Французы встрѣтили насъ ружейными выстрѣлами, успѣли даже обдать насъ картечью; но въ тотъ же самый моментъ мы уже сидѣли у нихъ на плечахъ. Первый эскадронъ сумцевъ, подъ командою ротмистра Будберга, врубился въ колонну, разсыпалъ ее и овладѣлъ орудіями. Мы потеряли однако довольно много гусаровъ и съ большимъ трудомъ успѣли вытащить изъ свадки фургоны и пушки. Французскія лошади были измучены, фурлейты изрублены, а просѣды завалены снѣгомъ. Кое-какъ однако намъ удалось увезти добычу, и мы расположились, когда стало смеркаться, неподалеку отъ отдѣльно-стоявшей крестьянской избы. На пути сюда, одинъ французъ въ императорской ливреѣ, найденный полумертвымъ отъ страха на фургоноѣ, признался мнѣ, что повозки принадлежатъ самому Наполеону, и что именно та, на которой онъ лежалъ, заключаетъ въ себѣ 60,000 наполеондоровъ. Бѣдняга принялъ меня, вѣроятно, за командующаго офицера и своимъ признаніемъ надѣялся расположить въ свою пользу. Я тотчасъ же сообщилъ это извѣстіе брату моему Георгію, служившему въ сумскихъ гусарахъ, и Будбергу; мы положили не спускать глазъ съ знаменательнаго фургона и осмотрѣть его утромъ, когда будетъ свѣтло. Между тѣмъ другіе фургоны были вскрыты. Въ одномъ изъ нихъ оказались цѣлые ящики съ запасами для императорскаго стола: реймскіе сухари, пряники, разнаго рода компоты, засахаренные плоды. Питавшись въ продолженіе многихъ дней картофелемъ, черствымъ ржанымъ хлѣбомъ и поддерживая себя плохую сивухою, мы набросились на приготовленные во французской водкѣ плоды, какъ на неожиданный, вкусный десертъ, и то, что для гостей император-

скаго стола было назначено въ утѣренныхъ порціяхъ, то было истреблено безъ мѣры у бивуачнаго огня. Ожидаемыя послѣдствія не замедлили обнаружиться. Водка, хотя и подслащенная, и отчасти поглощенная фруктами, была все-таки водка. Сидя на корточкахъ, въ снѣгу и въ грязи, мы лакомились ею словно полудикіе гуроны, которыхъ плутоватый англичанинъ угощаетъ спиртомъ, чтобы тѣмъ легче надуть ихъ.

Когда мы, т. е. Будбергъ, братъ мой и я, проснулись утромъ и протрезвились, первую заботою нашею было взглянуть на знаменитый фургоны. О ужась! онъ исчезъ!... Начались распросы, поиски. Одни говорили, что ночью генераль Юрковскій приказалъ увести взятыя орудія и что, вѣроятно, съ ними увезена была и повозка; другіе, спустя нѣсколько времени, рассказывали, что въ мѣсто расположенія Милорадовича дѣйствительно привезли французскій фургоны съ деньгами и очистили его прежде, нежели Милорадовичъ узналъ объ этой добычѣ. Такъ или иначе, но денежки ускользнули изъ нашихъ рукъ, и передъ нами была только та истина, что, вмѣстѣ съ французскими фруктами, мы съѣли и свою долю въ миллионѣ двухстахъ тысячахъ русскихъ рублей! (**)

На другой день, 4-го ноября, мы опять атаковали французскій хвостъ и опять взяли много повозокъ, въ томъ числѣ красивую дорожную коляску, принадлежавшую, по словамъ находившихся при ней людей, ординарцу Наполеона, Монтекиу-Фезенсаку. (***) Изъ любопытства, мы съ братомъ смотрѣли, какъ гусары вскрывали ящики въ этой коляскѣ. Я взялъ себѣ красивый мундиръ императорскаго ординарца-офицера, свѣтлосиній, богато вышитый золотомъ, и по окончаніи войны подарилъ его гардеробу ревельскаго театра. Много лѣтъ спустя, мнѣ неоднократно случалось видѣть въ этомъ мундирѣ любимого тогда пѣвца Цилякса, когда онъ исполнялъ роль французскаго посла Сень-Фара при дворѣ царицы голкондской.

(*) Этотъ рассказъ Левенштерна былъ подтвержденъ впоследствии барономъ Деннѣ въ его: „Itineraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812.“ (Парижъ, 1842.) На стр. 135 сказано: „C'est durant cette nuit de souffrances (du 15 au 16 Nov.) que l'ennemi enleva 1,294,000 fr. des caisses du trésor et que trois caissons des équipages de l'empereur furent pillés par les Russes.“ (Въ эту ужасную ночь (съ 15-го на 16-е ноября, нов. ст.) непріятель захватилъ 1,294,000 франковъ и три фургона императорскаго обоза были разграблены русскими.)

Прим. ъ. Слута.

(**) Вслѣдствіи пѣръ и французскій посолъ въ Испаніи.

Братъ мой Георгій взялъ на свою долю, изъ другаго фургона, маршальскій мундиръ (кажется, Даву) и нѣсколько прекрасныхъ дамскихъ альбомовъ, вывезенныхъ французами изъ Москвы. Многιά дорогія вещи валялись разбросанными въ снѣгу и никто не обращалъ на нихъ вниманія: не было ни времени, ни средствъ подбирать и укладывать ихъ. Притомъ всё мы были такъ озабочены сохраненіемъ себя самихъ и нашихъ лошадей въ разоренномъ краю, что предметы роскоши не могли имѣть для насъ никакой цѣны. Только нѣкоторыя превосходныя спеціальныя карты уложилъ я въ сумку и перекинулъ ее черезъ сѣдло. Одинъ гусарскій офицеръ нашелъ ящичекъ съ ювелирными вещами и заключавшійся въ немъ медальонъ красивой женщины подарилъ мнѣ. Этотъ медальонъ выручилъ меня впоследствии, въ Польшѣ, изъ стѣсненнаго положенія, о чемъ я расскажу въ своемъ мѣстѣ.

Не упоминаю о дѣлахъ 4-го и 5-го ноября съ колоннами вице-короля и Даву, о цѣлыхъ массахъ плѣнныхъ, о почти полномъ истребленіи этого корпуса: я пишу не исторію похода, а рассказываю только то, что случилось со мною. 5-го ноября заняли мы съ корпусомъ Милорадовича позицію на Лосминѣ, въ разстояніи часа отъ Краснаго. Болѣе сорока орудій были поставлены на большой дорогѣ позади глубокаго лосминскаго оврага; далѣе расположилась бивуакомъ часть войскъ Милорадовича; прочія орудія и 7-й корпусъ, дивизія Паскевича впереди, стояли къ югу, параллельно съ дорогою; еще далѣе, вправо, находилась кавалерія Корфа. Непріятеля, повидимому, ожидать было уже нечего, хотя, по словамъ плѣнныхъ, Ней оставался еще назади. 6-го ноября, нашъ дружескій кружокъ—Будбергъ, Реадъ, братъ мой и я — только что окончилъ свой завтракъ. Братъ мой Георгій, одѣвшись въ маршальскій мундиръ, вдругъ явился среди насъ и воскликнулъ: „Я маршалъ Ней! вы окружены, сдавайтесь!“ Въ то время, когда другіе смѣялись надъ этою выходкою, въ головѣ моей мелькнула мысль. Не сказавъ никому ни слова, я ушелъ, велѣлъ подвести себѣ моего лучшаго коня, черкеса, и поскакалъ по большой дорогѣ. По причинѣ густаго тумана, я, прежде чѣмъ осмотрѣлся, очутился передъ группою изъ двадцати или тридцати кавалеристовъ, почти все офицеровъ, между которыми, показалось мнѣ, я узналъ маршала Ней. Я быстро повернулъ своего коня и отъѣхалъ нѣсколько въ сторону, никѣмъ не за-

держиваемый. „Неужели это и въ самомъ дѣлѣ Ней?“ спрашивалъ я самъ себя и приостановился, чтобы удостовѣриться въ своемъ предположеніи. Такъ, нѣтъ болѣе сомнѣнія: Ней, нѣ главѣ своего корпуса, ѣхалъ мимо меня: я узналъ его, закутаннаго въ синій плащъ; окруженный штабомъ, онъ отдавалъ приказанія къ атакѣ. Пришпоривъ своего чернеца, я помчался къ нашему бивуаку, но чуть не опоздалъ. Французскіе застрѣльщики, пользуясь туманомъ и закрытые низменною мѣстностію, подкрались къ нашимъ постамъ, и первыя выстрѣлы ихъ встревожили бивуакъ, вовсе не ожидавшій атаки. Однако вскорѣ все поднялось и стояло подъ ружьемъ; наши гусары также мгновенно были на коняхъ и выстроились неподалеку отъ большой дороги. Прискакавшій генералъ Корфъ послалъ меня къ Милорадовичу съ извѣстіемъ о нападеніи непріятеля. Ринувшись между французскими колоннами и съ трудомъ пробравшись по глубокому обледенѣлому дну Лосмины, я прибылъ къ Милорадовичу лишь за нѣсколько минутъ до Ней. Неожиданное извѣстіе смутило его нѣсколько; однако въ это самое мгновеніе явился Паскевичъ и совѣтовалъ ничего не измѣнять въ расположеніи войскъ, для избѣжанія безпорядка, а ожидать непріятеля въ настоящихъ позиціяхъ. Тридцать орудій едва успѣли выѣхать поперекъ большой дороги, какъ были атакованы. Ней, благопріятствуемый туманомъ, перешелъ черезъ лосминскій оврагъ, смѣло двинулся на наши батареи, и, прежде чѣмъ наши артиллеристы успѣли опомниться, застрѣльщики его были уже у пушекъ и овладѣли нѣкоторыми изъ нихъ. Здѣсь однако и кончились успѣхи Ней: наши орудія брызнули картечью въ густую непріятельскую колонну; Милорадовичъ атаковалъ ее съ фронта; Паскевичъ, со своею дивизіей и кавалеріей, ударилъ на лѣвый флангъ, и не прошло получаса, какъ мужественно бросившаяся на насъ, подъ начальствомъ генерала Рикара, колонна была уничтожена. Ней, къ отчаянію своему, убѣдился, что не представлялось возможности пробиться здѣсь; однако онъ не потерялъ присутствія духа и, при наступившей темнотѣ, спасся съ уцѣлѣвшими частями на правый берегъ Дитпра. Онъ потерялъ потомъ много людей при преслѣдованіи его Платовымъ и съ жалкими остатками присоединился, подъ Оршею, къ главной арміи. Большая половина его корпуса сдалась въ плѣнъ еще на лѣвомъ берегу.

Такъ кончилися дѣла подъ Краснымъ, гдѣ Кутузовъ упустилъ прекраснѣйшій случай увѣнчать кампанію необыкновеннымъ ударомъ. Еще 4-го ноября силы наши собрались у Краснаго, тогда какъ французскіе корпусы тянулись разъединенно, въ промежуткѣ одного дневнаго перехода. Мы могли, безъ значительныхъ жертвъ, начать съ Наполеона и его сильно разстроенной гвардіи, истребить ихъ одинъ за другимъ и тѣмъ положить войнѣ достославный конецъ. Но Кутузовъ руководствовался крайнею осторожностію. „Зачѣмъ намъ жертвовать людьми — говорилъ онъ — обстоятельства, голодъ, стужа, бѣдствія дѣлаютъ свое дѣло. Всѣ они погибнуть, а мы не пошевелимъ и рукою...“

Послѣ пораженія, нанесеннаго Нею, мы почти до Борисова не видали вооруженнаго непріятели. Только несчастные больные да отсталые тащились по дорогѣ, питаются мясомъ палыхъ лошадей и часто умирая между трупами товарищей. Всякое оружіе было брошено, какъ ненужная ноша; долѣ всего удерживали при себѣ французы и союзники ихъ штыкъ, чтобы на немъ поджаривать, если случался огонь, кусокъ конины. Можно сказать утвердительно, что никогда человѣчскія бѣдствія и страданія не достигали такихъ размѣровъ и не являлись въ такомъ ужасномъ видѣ; ни одно описаніе не въ силахъ передать ихъ полную дѣйствительность.

Отъ Краснаго Кутузовъ выслалъ, по разнымъ дорогамъ, передовые отряды съ приказаніемъ не слишкомъ тѣснить непріятели, для того чтобы Чичаговъ и Витгенштейнъ имѣли время преградить ему путь на Березинѣ. Вслѣдствіе того, гусарская бригада, при которой я состоялъ, тронулась тихо по большой дорогѣ. Порядочныя лишения ожидали насъ на этомъ пути: деревни были сожжены и разорены; жители разбѣжались; продовольствія мы почти нигдѣ не находили, кромѣ малаго количества водки. Офицеры имѣли еще нѣкоторые запасы чая, вывезеннаго французами изъ Москвы и отбитаго нашими на одномъ изъ фургоновъ; этотъ чай мы заваривали на растопленной снѣговой водѣ и пили его безъ сахара. Въ эскадронахъ состояло не болѣе какъ по двадцати и тридцати способныхъ къ дѣлу людей; лошади дошли до крайняго изнуренія, и большинство ихъ были такъ набиты, что издавали изъ себя невыносимую вонь.

Въ Борисовѣ мы застали корпусъ Витгенштейна. Смотра

здѣсь съ моста на Березину, я не могъ не задуматься о совершенной Наполеономъ дальше внизъ переправѣ и о странныхъ передвиженіяхъ Чичагова и Витгенштейна. Событія эти извѣстны, и всякій знакомый съ войною легко можетъ судить о нихъ. Я прибавлю только, что изъ молодыхъ кавалерійскихъ офицеровъ въ авангардѣ было не много такихъ, которые въ мечтахъ своихъ не хватали бы коня наполеонова за поводъ, восклицая: „государь! сдайтесь“.

Въ Борисовѣ мы простояли только двадцать-четыре часа. Городъ былъ сожженъ на половину, и часть его еще дымилась. При дальнѣйшемъ движеніи намъ пришлось бороться съ герардо большими трудностями. Стужа достигла до двадцати слишкомъ градусовъ. Выдавались дни, когда болѣе четверти часа не было возможности просидѣть въ сѣдлѣ; мы слѣзали и бѣжали, какъ могли, по глубокому снѣгу. Страдали и люди и лошади. Последнихъ нерѣдко приходилось оставлять въ деревняхъ, разумѣется съ людьми, которые уже въ Вильнѣ присоединились къ своимъ полкамъ, постепенно уменьшавшимся въ составѣ. То же было и съ пѣхотою. Становилось все труднѣе и труднѣе выводить людей изъ нагрѣтыхъ избъ — если гдѣ такія попадались — на жестокой морозъ, съ перспективою отдыха на бивуакѣ.

По пути нашего слѣдованія, вездѣ, по окраинамъ дороги, валялись непріятельскіе трупы и полусѣданныя лошади. На пространствѣ одной версты (около десяти минутъ обыкновеннаго шага) я насчиталъ однажды 78 палыхъ лошадей и 148 замерзшихъ или умершихъ голодною смертію французовъ. Вся дорога представляла такое зрѣлище.

Будбергъ, братъ и я, мы добыли крестьянскія сани, на которыя сѣлились повременамъ, при чемъ одинъ изъ насъ правилъ лошадей; но морозъ былъ такъ жестокъ, что исправлявший должность кучера скоро бросалъ возки. Многие гусары подѣлали себѣ изъ французскихъ медвѣжьихъ шапокъ рукавицы и кенги, и въ такомъ нарядѣ добрались мы наконецъ до Вильны.

VII.

Пребываніе въ Вильнѣ.—Горе.—Занятія военною исторіей.—Выступление въ Прусію.—Повѣздки въ Плоцкъ, въ главную квартиру.—Откомандированъ въ корпусъ барона Винцингероде.

По прибытіи въ Вильну, я прежде всего озабочился приисканіемъ себѣ теплаго убѣжища, и только теперь мы считали

себя застрахованными отъ опасности замерзнуть. Но какое зрѣлище представляли Вильна и окрестности: тысячи труповъ лежали на улицахъ и кругомъ по всемъ дорогамъ; почти ежеминутно надо было шагать черезъ палыхъ лошадей. Нѣсколько дней сряду полиція очищала городъ отъ этого источника заразы; вездѣ торѣли кучи конскаго навоза, перемѣшаннаго съ седилаго; въ воздухѣ носился дымъ и тяжелый запахъ, долженствовавшіе противодействовать вредоноснымъ миазмамъ отъ гниющей крови и труповъ. Такова была заключительная сцена ужасной осенней драмы, представлявшейся намъ начиная отъ Борисова.

Когда Кутузовъ пріѣхалъ въ Вильну съ главною квартирою, городъ получилъ уже приличный видъ. За бѣгущимъ непріателемъ были посланы казаки, а армія, кромѣ корпусовъ Витгенштейна и Чичагова, еще дѣйствовавшихъ, вступила 5-го декабря на зимнія квартиры. Я покаместъ остался въ Вильнѣ, гдѣ графъ Сентъ-Пиръ имѣлъ порученіе собрать и привести въ порядокъ отсталыхъ больныхъ или разсѣявшихся солдатъ. Дороговизна въ первое время была невѣроятная: за обѣдъ на три лица мы платили по восьми червонныхъ; но послѣ столь долгихъ и тяжелыхъ лишеній никто не думалъ жалѣть денегъ.

10-го декабря прибылъ въ Вильну государь. Обрадованные жители выпрягли лошадей и довели монарха до замка, гдѣ князь Кутузовъ встрѣтилъ его у подъезда и провелъ во внутренніе покои. Здѣсь его величество самъ возложилъ на счастливаго полководца ленту ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія и поблагодарилъ за славное окончаніе войны. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней фельдмаршалъ давалъ балъ, на которомъ государю поднесли новыя французскія знамена, взятія графомъ Витгенштейномъ и только-что присланныя. Лицо императора сіяло кротостію и благодушіемъ. Его величество пробылъ нѣсколько минутъ въ собравшемся на балъ блестящемъ кругу, разговаривалъ съ нѣкоторыми дамами и затѣмъ пошелъ съ Кутузовымъ, для совѣщаній, въ кабинетъ, гдѣ утвердилъ поднесенные списки наградъ. Черезъ полчаса его величество опять явился въ залу и открылъ балъ полонезомъ. Въ это время фельдмаршалъ приблизился ко мнѣ и сказалъ ласково:— „Поздравляю: государь императоръ соизволилъ на производство васъ въ полковники.“ Радостное извѣстіе!... Жен-

щины показались мнѣ послѣ этого вдвое прекраснѣе. а шампанское князя за ужиномъ—десятеро вкуснѣе.

Спустя нѣсколько дней отправился я къ дежурному генералу Коновницину; частію за тѣмъ, чтобы поблагодарить, а частію провѣдать о моемъ производствѣ. Каково же было мое изумленіе, когда генералъ, видимо смутившійся, отвѣчалъ мнѣ съ сожалѣніемъ:—„Ваше имя, дѣйствительно, было внесено въ наградные списки и государь императоръ дѣйствительно соизволилъ на производство васъ въ полковники; но при вторичномъ просмотрѣ списковъ его величество вычеркнулъ ваше имя. Кромѣ того, государь приказалъ снять съ васъ и чинъ подполковника, данный вамъ по недоразумѣнію за Бородино... „Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе!... Ничего подобнаго не случалось еще никогда!... Чинъ подполковника я заслужилъ подъ Бородиномъ полнымъ самоотверженіемъ, моею кровію, въ присутствіи всѣхъ; товарищи мои всѣ были произведены, и вотъ меня одного лишаютъ уже данной награды!... Въ сильнѣйшемъ волненіи поспѣшилъ я къ князю Кутузову. Онъ никого не принималъ. Я бросился къ зятю его, князю Кудашеву. Этотъ благородный товарищъ, свидѣтель моей службы, выказалъ самое искреннее участіе и тотчасъ же пошелъ къ фельдмаршалу говорить обо мнѣ; но и онъ принесъ прискорбное подтвержденіе словъ Коновницина. Кутузовъ приказалъ мнѣ сказать, что „кто-нибудь очернилъ меня передъ государемъ, и что хотя онъ, фельдмаршалъ, сильно защищалъ меня, однако его величество остался при своемъ мнѣніи и даже запретилъ упоминать впредь обо мнѣ“. Вслѣдствіе всего этого, фельдмаршалъ совѣтовалъ взять терпѣніе до тѣхъ поръ, пока ему удастся оправдать меня.

Мною овладѣло тяжелое уныніе, истинное отчаяніе. Никогда не ожидалъ я кончить такъ свою боевую карьеру, нелишнюю нѣкоторыхъ заслугъ, сопряженную со многими трудами, спаданіями и опасностями. Друзья совѣтовали мнѣ выйти въ отставку; но я думалъ иначе и возражалъ имъ:—„Нѣтъ, я останусь служить! Всеобъясняющее время освѣтитъ и то темное пятно, подъ таинственнымъ гнетомъ котораго я теперь погибаю. Совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня: я чистъ. Государь нашъ милосердъ и правосуденъ. Я надѣюсь...“ Оставшись въ Виднѣ, я обрекъ себя на жизнь паріи. Правда, фельдмаршалъ продолжалъ благоволить ко мнѣ и требовалъ, чтобы я по прежнему былъ его застольнымъ гостемъ; товарищи мои

не измѣнились въ отношеніи меня, сочувствовали моему горю, но я удалился изъ общества и видѣлся только съ моимъ братомъ да съ самыми короткими друзьями.

Въ минуты грусти часто предпринималъ я уединенныя прогулки верхомъ по окрестностямъ Вильны. Положеніе ея въ большой котловинѣ весьма своеобразно. Небольшія узкія низменности перебиваются болѣе глубокими и мѣстность кажется холмистою, хотя и не имѣетъ холмовъ. Причина та, что одно углубленіе песчаной почвы врѣзывается глубже, чѣмъ другое. Здѣсь, въ доисторическую эпоху, вѣроятно, козыничали бурныя волны озера или моря. На одномъ изъ такихъ мѣстъ холмовъ, на конусообразной песчаной возвышенности, стоитъ два вѣка круглая, у фронтона уже развалившаяся башня, передъ которою, какъ гласитъ преданіе, похороненъ одинъ изъ воеводскихъ военачальниковъ короля Стефана Баторія. Башня называется, по его имени, башнею Бекеша. Не разъ останавливался я передъ этою руиною, и малу по малу во мнѣ выработалось желаніе узнать ближе знаменитаго противника царя Ивана Грознаго. Настоящее угнетало меня; мнѣ хотѣлось забыться въ прошедшемъ. Но откуда взять книгъ для историческихъ занятій? Хотя по смыслу австрійскаго солдатскаго катехизиса кирасиръ не долженъ знать никакой науки, однако я, выбитый изъ сѣдла кирасиръ, вспомнилъ, что въ Вильнѣ есть университетъ, что при университетѣ должна быть библіотека, и потому, однажды утромъ, направилъ туда путь. На вопросъ мой о начальникѣ библіотеки, меня послали къ г. Контрыму. Меня встрѣтилъ добродушный, нѣсколько дородный господинъ и спросилъ, чего я желаю. — „Я желалъ бы — отвѣчалъ я съ открытоностію кавалериста — познакомиться съ древними походами противъ Россіи и начать съ похода Баторія, для чего и прошу дать мнѣ какое-нибудь основательное сочиненіе.“ — Контрымъ, улыбувшись, сказалъ: — „Есть объ этомъ предметѣ только латинскія да нѣмецкія книги, а польскія неудовлетворительны; русскихъ же и французскихъ совсѣмъ нѣтъ.“ — Мы говорили до сихъ поръ по-французски; но Контрымъ спросилъ: не люляндець ли я? Я отвѣчалъ утвердительно. — „Въ такомъ случаѣ я дамъ вамъ старинныя нѣмецкія книги. Чего вы не отыщете въ нихъ о войнахъ короля Стефана, того не найдете уже нигдѣ.“ — Затѣмъ онъ принесъ мнѣ тоненькій фолиантъ и такой же тоненькій квартантъ — форматы, которыхъ я до того не имѣлъ

въ рукахъ — и, вручая ихъ, замѣтилъ, что это библиографическія рѣдкости.

Небольшой фоліантъ заключалъ въ себѣ „Ливонскую хронику Геннинга“ отъ 1554 до 1590 года. Авторъ ея, канцлеръ перваго герцога курляндскаго, знаменитаго Готгарда Бетлера, описываетъ событія своего времени, въ которыхъ или самъ принималъ участіе, или былъ близкимъ ихъ наблюдателемъ. Хроника его то же, что позже получило названіе мемуаровъ. Изучая этотъ документъ, я утвердился на той исторической почвѣ, на которой мнѣ предстояло встрѣтиться съ Баторіемъ. Геннингъ очень хорошо обрисовываетъ эту энергическую личность. Онъ изображаетъ короля въ рѣшительной борьбѣ съ государственными чинами. Прежде Стефану надлежало одолѣть внутреннюю неурядицу, а потомъ уже подумать объ устраненіи внѣшней опасности. Вторая книга была „Комментаріи Гейденштейна о московской войнѣ 1579—1581 года“, въ переводѣ саксонца Ретеля. Старинный слогъ хотя и затруднялъ меня, однако увлекательность предмета взяла верхъ надъ некрасивою оболочкою, и я усердно читалъ книгу, пользуясь картами, приобрѣтенными подъ Краснымъ.

Король Стефанъ, какъ дальновидный полководецъ, прежде чѣмъ начать войну, сдѣлалъ нужныя приготовленія: укрѣпилъ себя союзами, добылъ денегъ, набралъ войско, сообразилъ всѣ трудности, принялъ, по свойственному великимъ людямъ дару, тѣ мѣры, которыя могли предотвратить ихъ, и только тогда открылъ походъ въ 1579 году.

Царь Иванъ Грозный тоже сдѣлалъ большія вооруженія; но имъ недоставало всеоживляющаго, связующаго и руководящаго духа. Московская рать была разбросана многочисленными гарнизонами на западъ, на югъ, на сѣверъ, не только на Днѣпръ и на Двинъ, но даже на Дону, на Волгѣ, на Огѣ, въ такихъ мѣстахъ, которымъ вовсе не грозила опасность войны. Кромѣ всѣхъ этихъ силъ, царь имѣлъ возможность сосредоточить еще двѣ значительныя рати подъ Псковомъ и Новгородомъ; но онъ не былъ полководцемъ, медленность и нерѣшительность считалъ благоразуміемъ и надѣялся устрашить громадными полчищами того, кто былъ и гениальнымъ полководцемъ, и истинно-великимъ человекомъ.

Стефанъ доказалъ своимъ планомъ войны стратегическую мудрость въ такой вѣкъ, когда военное искусство едва вышло

изъ пеленокъ. На вопросъ: куда должно направить ударъ, большинство его военачальниковъ совѣтывали, руководясь обыкновенною рутинною, явиться передъ противникомъ въ Ливоніи и выгнать его изъ этой области, что было не легко, по причинѣ численнаго перевѣса здѣсь русскихъ силъ. Баторій думалъ иначе: онъ вѣрно сообразилъ трудности вести войну въ странѣ бѣдной, истощенной многолѣтними разореніями, или, какъ мы теперь выражаемся, базироваться здѣсь. „Ливонію — сказалъ онъ — можно завоевать внѣ ея границъ.“ вмѣсто того, чтобы атаковать противника съ фронта, онъ рѣшился обойти его, двинуться на Псковъ и Новгородъ и, отрѣзавъ русскимъ путь отступленія, или принудить ихъ очистить Ливонію, или, если они не получаютъ подкрѣпленій, истребить ихъ. Велѣдствіе такихъ соображеній, Стефанъ пошелъ вправо, на Полоцкъ: — „Полоцкъ хотя и крѣпокъ — замѣтилъ онъ — но тѣмъ славнѣе будетъ взятіе его, тѣмъ могущественнѣе и сокрушительнѣе будетъ впечатлѣніе его паденія на противника.“ Овладевъ Полоцкомъ и имѣя въ рукахъ Ригу и другіе укрѣпленные города на Двинѣ, Баторій обезпечилъ себѣ широкую базу для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Дальновидность въ томъ вѣкѣ необычайная!

Войско короля, въ числѣ 40,000, состояло изъ самыхъ разнообразныхъ народовъ: изъ венгровъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ, шотландцевъ, датчанъ; но, подобно Аннибалу, онъ умѣлъ вдохнуть въ эту разноплеменную массу одинъ духъ, одну мысль. Венгерскіе и нѣмецкіе наемники, со своею артиллеріей, образовывали ядро арміи; поляки и литовцы составляли, большею частію, дружины, которыя, по нынѣшнимъ понятіямъ, можно назвать ополченіемъ. Какъ истинный полководецъ, Баторій поддерживалъ строжайшую дисциплину въ эпоху необузданнѣйшаго веденія войны и въ прокламаціяхъ возвѣстилъ жителямъ, что „онъ обнажаетъ мечъ на царя, а не на мирнаго гражданина и земледѣльца, и потому никто ничего не долженъ опасаться: пусть всякій спокойно занимается своимъ дѣломъ“. И король въ точности сдержалъ свое слово, зная, что строгая дисциплина есть первая сила арміи, непремѣнное условіе прочнаго успѣха. Никогда война не была ведена съ большею умѣренностію и человѣчностью, что и привлекло на его сторону обывателей. Въ началѣ августа открылъ онъ осаду Полоцка, сильно укрѣпленнаго, но имѣвшаго слабый гарнизонъ, потому

что царь Иванъ ждалъ непріятеля въ Ливоніи. Горсть русскихъ дралась отчаянно; многіе приступы были отбиты, но царь не присылалъ помощи, и Полоцкъ, послѣ самой мужественной обороны, палъ. Отсюда Баторій вступилъ въ Смоленскую область. Грозный все время стоялъ неподвижно подъ Псковомъ.

Зимой Стефанъ Баторій пріѣзжалъ въ Вильну и въ Варшаву для сбора денегъ и для вербовки войскъ. Польскіе магнаты смотрѣли на него косо: онъ казался имъ черезчуръ сильнымъ, и потому дѣлали ему всякаго рода препятствія. Однако король, своимъ безъискусственнымъ величіемъ, силою своего слова, своими убѣжденіями, скоро восторжествовалъ надъ противодѣйствіемъ сейма и кончилъ тѣмъ, что всѣхъ привлекъ на свою сторону: требованія его были исполнены. Такая борьба замедлила, впрочемъ, возобновеніе военныхъ дѣйствій до половины лѣта (1580). Стефанъ, держа въ совокупности свои силы, сталъ болѣе и болѣе углубляться въ сѣверную Россію, по направленію къ Новгороду, чтобы тѣмъ успѣшнѣе изолировать Ливонію. Черезъ болота, дремучіе лѣса, по дорогамъ, невиданнымъ войскъ со временъ Витолда, или по вновь продолженнымъ, онъ, овладѣвъ предварительно нѣкоторыми небольшими городами (Велижемъ, Усвятомъ и др.), наконецъ достигъ Великихъ-Луокъ, хорошо укрѣпленныхъ и обороняемыхъ 7,000-мъ гарнизономъ. 5-го сентября, городъ, послѣ блистательнаго сопротивленія, былъ взятъ приступомъ; защитники его пали до послѣдняго; непріятель нашелъ только трупы да пожарища.... Такъ всегда дрались и умирали русскіе люди.

Наступленіе зимы остановило военныя дѣйствія. Войско Баторія, подкрѣпленное свѣжими наемниками, расположилось въ Великихъ-Лукахъ, чтобы раннею весною возобновить войну; но царь Иванъ началъ переговоры о мирѣ и старался задержать тѣмъ своего противника. Между тѣмъ и обширныя приготовленія отняли у Стефана много времени, такъ что новый или третій походъ (1581) могъ быть открытъ лишь въ августѣ. Отчасти въ виду предстоявшихъ трудностей, какъ, напримѣръ, овладѣнія Псковомъ и Новгородомъ, отчасти для того, чтобы рѣшительнымъ ударомъ достигнуть мира, Баторій увеличилъ свою армію до 80,000 человекъ, почти изъ всѣхъ европейскихъ націй, и чрезъ Опочку и Островъ двинулся къ Пскову, который обложилъ 25-го августа. Задача предстояла дѣйствительно трудная: городъ, обширный и хорошо укрѣпленный, былъ обо-

роняемъ 30,000 русскихъ, которые всѣ, отъ воеводъ до простыхъ ратниковъ, цѣловали крестъ и поклялись лечь костями, но не сдаваться. Атака и оборона были равно ожесточенныя; съ одной стороны, нинѣмъ непоколебимая рѣшимость взять городъ, съ другой такая же рѣшимость — отстоять городъ. Самые уверныя, самые ожесточенныя приступы не имѣли успѣха; казалось, враждующіе хотѣли превайти другъ друга въ стойкости, и хотя Баторій объявилъ: „осенью ли, зимой ли, но мы должны взять Псковъ, или всѣ до единого пасть“, однако геройскіе защитники отражали, въ теченіе шести недѣль, всѣ отчаянныя атаки. Напрасно Стефанъ истощалъ средства силы, искусства, хитрости: русскіе оставались недолимыми. Онъ принужденъ былъ обратить осаду въ блокаду, надѣясь гододомъ побѣдить непобѣдимыхъ. Съ его ратію случилось однако то же, что и съ полчищами, приведенными Наполеономъ: она испытала всѣ ужасы зимы, стужу и голодъ. Солдаты мерзли въ падаткахъ; хлѣба не было; наемники разбѣжались.... При такихъ обстоятельствахъ, Баторій согласился заключить, чрезъ посредство кардинала Поссевина, миръ въ Запольѣ (6-го января 1582), которымъ достигъ того, чего желалъ. Онъ приобрѣлъ Ливонію, гдѣ не была даже его нога, приобрѣлъ эту область единственно искуснымъ веденіемъ войны, вѣрнымъ выборомъ пунктовъ атаки, сосредоточеніемъ своей арміи, силою и настойчивостію своихъ дѣйствій.... А въ какихъ военныхъ учебникахъ, въ какихъ исторіяхъ говорится о Баторіи, какъ о гениальномъ полководцѣ? Онъ, вмѣстѣ съ современникомъ своимъ, Александромъ Фарнезе, былъ однимъ изъ великихъ предвѣстниковъ новаго военного искусства.

Изученіе его походовъ доставляло мнѣ невыразимое удовольствіе, наводило меня на самыя разнообразныя сближенія. Ничто не ново подъ луною. То, что видѣли мы, видѣли наши предки, хотя и въ нѣсколько другой формѣ. Какъ Москва въ наше время, такъ тогда Псковъ, со своимъ геройскимъ гарнизономъ, принесъ себя въ жертву и спасъ Россію отъ честолюбивыхъ замысловъ Баторіи, которые были не менѣе обширны замысловъ Наполеона. Тогдашняя русская рать, хотя и неустроенная, проявила однако, недолимое мужество, неуступавшее мужеству нынѣшнихъ военныхъ силъ Россіи, потому что основная сила арміи таится въ коренномъ матеріалѣ, въ людяхъ, а не въ случайностяхъ обученія. Воеводы временъ Гроз-

наго не отличались ни искусствомъ, ни дарованіями; но они были настойчивы, непреклонны, думали не о себѣ, а о царѣ и объ отечествѣ. Императоръ Александръ, соединившій съ благостію души твердость и рѣшительность, восторжествовалъ надъ громадными полчищами своего противника; царь Иванъ палъ въ борьбѣ съ королемъ Стефаномъ, истиннымъ Наполеономъ своего времени и по уму, и по силѣ воли, и по военнымъ дарованіямъ.

Погруженный, такимъ образомъ, въ былыя судьбы русскаго государства, я былъ однажды обрадованъ посвѣщеніемъ стариннаго покровителя моего, барона Винцингероде. Государь вѣрилъ его начальствованію отрядъ, который долженъ былъ переправиться чрезъ Вислу и Одеръ и дѣйствовать въ Силезіи. Генераль предложилъ мнѣ службу въ этомъ отрядѣ. До крайности обрадованный такимъ предложеніемъ, я просилъ Винцингероде ходатайствовать о скорѣйшемъ переводѣ меня; но какъ и другіе офицеры также изъявили желаніе служить въ его отрядѣ, пока единственномъ, отдѣленномъ отъ главной арміи для наступательныхъ дѣйствій, то генераль составилъ списокъ такихъ офицеровъ и чрезъ Кутузова представилъ на высочайшее утвержденіе. Въ списокѣ стояли имена князя Сергѣя Волконскаго, Льва Нарышкина, барона Строгонова, князя Лопухина, Нащокина, Пашкова и мое. Государь утвердилъ списокъ, но мое имя вычеркнулъ. Какъ фельдмаршалъ, такъ и баронъ Винцингероде были истинно огорчены такимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, а я... я просто былъ уничтоженъ! Внутренній голосъ твердилъ мнѣ: „застрѣлись; здѣсь, на землѣ, тебѣ нѣтъ болѣе надежды“; друзья повторяли совѣтъ выйти въ отставку. Но все это не повело бы ни къ чему, подозрѣніе продолжало бы тяготѣть надо мною; потому я рѣшился при первомъ же случаѣ доказать свою невинность какимъ-нибудь отважнымъ, необыкновеннымъ подвигомъ, хотя бы и съ пожертвованіемъ жизни. Притомъ я вѣровалъ въ божественное правосудіе и, осудивъ себя на еще большее уединеніе, жилъ единственною мыслію, что время моего оправданія наступитъ, что оно должно наступить скоро.

Добровольнаго отшельника, среди военной тревоги предстоявшаго похода, навѣстилъ однажды землякъ и другъ дѣтства. Это былъ баронъ Карлъ Будбергъ, командиръ кирасирскаго имени его величества полка, только что вступившаго въ Вильну.

Будбергъ предложилъ мнѣ сопутствовать ему на дальнѣйшемъ маршѣ къ Вислѣ. Чтобы вырваться изъ невыносимо-тяжкаго положенія, я поспѣшилъ воспользоваться дружескимъ приглашеніемъ и выѣхалъ изъ Вильны.

1-го января 1813 года переправились мы, подъ Меречемъ, въ Гродненской губерніи, черезъ Нѣманъ. Здѣсь встрѣтилъ я еще другаго земляка, генерала Бистрома, пришедшаго, въ одно съ нами время, со своими лейбъ-егерями, и мы втроемъ провели нѣсколько отрядныхъ часовъ, прежде чѣмъ военныя событія разбросали насъ въ разныя стороны. Въ томъ же Меречѣ, министръ полиціи, генераль Балашевъ, истребовалъ отъ меня, по высочайшему повелѣнію, свидѣнія, касавшіяся пограничныхъ евреевъ. Многие изъ нихъ были замѣшаны въ слѣдственномъ дѣлѣ, которое я производилъ передъ началомъ войны и которое приостановилось по причинѣ вторженія непріятеля. Милосердый монархъ, желая вознаградить евреевъ за похвальное поведеніе ихъ во время занятія края французами, повелѣлъ прекратить слѣдствіе, и я былъ столько счастливъ, что наскоро написаннымъ объясненіемъ способствовалъ возвращенію изъ ссылки многихъ виновныхъ.

Мы вступили въ Пруссію. Ради разнообразія похода, я оставался иногда, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ городахъ и мѣстечкахъ, черезъ которые проходилъ полкъ, и потомъ догонялъ его на маршѣ. Въ окрестностяхъ Ортельсбурга случилось однажды, что я, догоняя полкъ, не могъ добиться толку о мѣстѣ его расположенія. Во всѣхъ селеніяхъ, куда я заѣзжалъ, находились другія, мнѣ чуждыя части, въ томъ числѣ и пѣхота, и притомъ въ такомъ множествѣ, что нельзя было и думать о полученіи квартиры. Между тѣмъ, начинало смеркаться. Съ неудовольствіемъ свернулъ я на проселочную дорогу, надѣясь легче отыскать, вдали отъ большой дороги, удобное помѣщеніе. Узкая тропинка, по которой я пробирался въ своихъ санкахъ, привела въ лѣсъ, постепенно становившійся гуще и мрачнѣе; древесныя вѣтви то и дѣло хлестали мнѣ въ лицо, и я, не видя конца этой труппѣ, спросилъ у своего слуги эстонца, правившаго лошадью, какъ человѣка знакомаго съ лѣсными пространствами, которыми покрыта его родина: — „Какъ ты думаешь, Тоотсъ, не лучше ли намъ переночевать здѣсь? Ромъ у меня есть.“ — „Сохрани

Богъ! — возразилъ сынъ лѣсникаго края — и слышать лай собакъ, а гдѣ собака, тамъ и человѣкъ.“

Дѣйствительно, вскорѣ мы выѣхали на небольшую площадь и очутились передъ домомъ, со двора котораго раздавался собачій лай. Я постучался; псы заляпсались еще ожесточеннѣе; однако вскорѣ послышались шаги, и мужской голосъ спросилъ изъ-за воротъ: — „кто тутъ и что нужно?“ Я отвѣчалъ что слѣдовало, объяснилъ въ короткихъ словахъ мое затруднительное положеніе и просилъ ночлега. Спустя нѣскольکو минутъ, ворота отворились и меня встрѣтилъ высокій, широкоплечій мужчина. Это былъ окружный лѣсничій, жившій въ удивительномъ домикѣ съ егеремъ и съ работниками. Рядъ мебели и оружіе, лежали собаки, а когда я вопелъ въ комнату, по ужидѣль семью лѣсничаго за ужиномъ. Она состояла изъ жены его, добродушной женщины среднихъ лѣтъ, и изъ двухъ молоденькихъ дочекъ, милыхъ и прекрасныхъ лѣсныхъ цвѣтковъ; производимыхъ иногда природою въ глуши, какъ бы въ донавательство, что небо не забываетъ украсить ни одного уголка земли. Въ домѣ лѣсничаго, конечно, не было недостатка въ дичинѣ; на столѣ явилась бутылка вина; я помѣстился между цвѣтками и чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Рѣчь скоро коснулась войны. Лѣсничій, имѣвшій сына въ корпусѣ Гурма, благодарилъ Бога, что русскіе и пруссаки теперь союзники. — „Да — сказалъ онъ — мнѣ отрадно, что сынъ мой будетъ сражаться *противъ* несчастныхъ французовъ; но одна мысль, что онъ долженъ былъ драться съ ними и *за* нихъ, терзала мое сердце.“ — Лѣсничій заговорилъ потомъ о движеніи войскъ и извинялся, что не скоро рѣшился отворить мнѣ ворота, такъ какъ по лѣсу бродили отсталые; свои и чужіе, и еще нананунѣ онъ имѣлъ стычку съ бродячими солдатами.

Послѣ ужина, когда лѣсничій вышелъ для осмотра, передъ наступленіемъ ночи; окрестностей дома, а жена его отправилась готовить мнѣ постель, я остался одинъ съ лѣсными цвѣтками. Въ моемъ поношенномъ военномъ нарядѣ, съ небритою бородою, я, будто репейникъ, очутился случайно между розовъ и лилій. Таковы были, въ самомъ дѣлѣ, дочки лѣсничаго. Старшая, съ овальнымъ, блѣднымъ лицомъ, нѣсколько склоннымъ, удоблялась лиліи; младшая, розовая, быстроглавая, напоминала собою едва распустившуюся центифоидію. Обѣ просили меня рассказать о войнѣ, только не о французакъ, которыхъ онѣ

понавидѣли, а о черноскихъ красавицахъ-француженкахъ, которыхъ наполеоновскіе гвардейскіе офицеры увезли изъ Москвы и которыхъ всѣ погубилъ въ „Персанинѣ“. Персаниной называли дѣвицы Березину, можетъ быть потому, что подъ Кольбергемъ пролежала рѣка Персанта. Ошибка противъ языка имѣетъ своего рода прелесть: въ устахъ привлекательной женщины, украшенныхъ жемчужными зубами: такъ и „Персанина“ звучала для меня чѣмъ-то романтическимъ, и я, одушевшись, пустился въ область фантазии и рассказалъ длинную исторію объ очаровательной Адели или, пожалуй, Гортензій, увезенной наполеоновскими Нарциссомъ изъ Москвы и утонувшей, послѣ ужасныхъ страданій, между льдяными глыбами Персанины. Разумѣется, и я себя ввелъ въ исторію, изобразилъ съ какою сердечною горестію увидѣлъ длинную, черную, лоснящуюся косу, разстланную по волнамъ, какъ, съ опасностію жизни, вытащилъ трупъ красавицы и предалъ его землѣ. Описалъ я и чудныя, маленькія ручки ея, изъ которыхъ одна уже почернѣла отъ мороза; словомъ, надремондилъ тѣ самыя ужасы, которые уже долге спустя передали французскіе романы и повѣсти о событіяхъ на Березинѣ.

Со слезами на глазахъ внимали моему разсказу доврѣтливыя дѣвушки, и, быть можетъ, я продолжалъ бы свою повѣсть, перемѣшивая истину и вымыселъ, если бы страшный шумъ, крики многихъ дикихъ голосовъ и стукъ въ ворота не остановили меня. Въ то же самое время вѣзжала жена лѣсничаго. „Господи! — вскричала она — что съ нами будетъ! опять мародеры, и гораздо больше, чѣмъ вчера!“ Отъ страха прекрасныя лица женщинъ становятся еще прекраснѣе, по крайней мѣрѣ въ глазахъ мужчины. Внезапность ли оживляетъ черты женскаго лица и возвышаетъ ихъ выразительность, или самъ мужчина, почувствовавъ, что онъ защитникъ слабого пола, невольно привязывается къ тѣмъ, кого долженъ охранить — не знаю; помню только, что Лилія и Роза, въ моментъ испуга, показались мнѣ еще прекраснѣе. Я готовъ былъ бы пожертвовать за нихъ жизнью, если бы то было нужно; но изъ неяснаго шума, происходившаго на дворѣ, уже долетали до меня звуки, которые были не голоса съ береговъ Гаронны, а хорошо извѣстные возгласы жителей противоположныхъ странъ, и потому я тотчасъ же догадался, съ кѣмъ буду имѣть дѣло. Успокоивъ женщинъ, я взялъ саблю и вышелъ на крыльцо.

На дворѣ собаки лаiali взапуски; егеря стояли со своими винтовками; хозяинъ дома велъ переговоры у воротъ, въ которыя продолжали сыпаться удары ружейными прикладами; по временамъ раздавались восклицанія: „намрадъ! уфъ, уфъ! билетъ, никсъ тунъ, фатера!“ Тогда я возвысилъ свой голосъ и объяснилъ мародерамъ, на знакомомъ имъ языкѣ, что въ домѣ живетъ русскій полковникъ, что онъ уже легъ спать, и потому они лучше сдѣлаютъ, если уйдутъ тихо и смирно, не разбудивъ полковника. Взглянувъ на моего деньщика, одѣтато формѣ, и слыша бряцаніе моей сабли, бродяги—гъ сожалѣнію, безъ нихъ не обошлось послѣ тяжелаго зимняго марша по сторону Борисова — удостовѣрились въ справедливости моихъ словъ, присмирѣли и удалились.

Нечего и говорить о благодарности семьи лѣсничего за спасеніе отъ бѣды. Единственно моему присутствію приписывали всѣ это счастье и упрашивали меня прожить еще нѣсколько времени. По странной случайности, такъ и сбылось: я заболѣлъ рожею на лицѣ, долженъ былъ предпринять правильное леченіе при помощи выписаннаго изъ Ортельсбурга врача и три недѣли пролежалъ въ постели. Когда я поднялся на ноги, готовый съ новыми силами на боевую жизнь, кошелекъ мой оказался изрядно истощеннымъ. Червонцы мои мало по малу переселились въ карманъ врача, въ Ортельсбургъ, за лекарство, за вино и за разные другіе предметы, необходимыя больному. Не могъ я также не вознаградить и моихъ хозяевъ за всѣ ихъ обо мнѣ попеченія, и такимъ образомъ я остался при самомъ скудномъ запасѣ денегъ. Что было дѣлать? Въ виду не имѣлось надежды пополнить кошелекъ, а между тѣмъ надлежало спѣшить къ арміи. Я рѣшился послѣдовать примѣру бѣдныхъ отсталыхъ солдатъ, т. е. питаться по билету квартирной комисіи. Выбравшись изъ лѣса, я узналъ, что наша армія расположена на Вистлѣ, а главная квартира находится въ Плоцкѣ, направилъ сюда свой путь и, переходя съ квартиры на квартиру, прибылъ, однажды вечеромъ, въ замокъ Бѣзунъ, занятый пѣхотнымъ полкомъ. Въ замкѣ я нашелъ шумное собраніе офицеровъ, вовсе не стѣснявшихся присутствіемъ хозяина, графа Бѣльинскаго. Они тотчасъ же пригласили меня принять участіе въ пирушкѣ, которая сопровождалась игрою странствующихъ нѣмецкихъ арфистокъ; но я замѣтилъ имъ прежде всего, что мы не должны забывать и сво-

ихъ обязанностей въ отношеніи графа и графини. Слова мои не остались безплодными: офицеры мало по малу утихли. Графъ, въ благодарность за мое посредничество, отдалъ мнѣ въ распоряженіе свой кабинетъ и свою спальню.

На другой день, утромъ, хозяинъ замка посѣтилъ меня, когда я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и вносилъ замѣтки въ свой дневникъ. На столѣ лежалъ тотъ миниатюрный женскій портретъ, который одинъ изъ нашихъ гусарскихъ офицеровъ подарилъ мнѣ на память изъ добычи, отбитой подъ Краснымъ; рядомъ съ портретомъ пріютились три осиротѣлые червонца, составлявшіе, въ моему ужасу, все мое наличное богатство. Графъ Бѣлыишскій пристально, даже тревожно сталъ разсматривать портретъ и спросилъ меня, какимъ путемъ онъ досталъ мнѣ. Я откровенно разсказалъ все обстоятельства дѣла, прибавивъ, что сабля и пища играли главную роль въ приобретеніи миниатюры. Послѣ этого графъ началъ убѣдительно упрашивать меня продать ему портретъ и никакъ не соглашался принять его въ подарокъ. „Полковникъ — сказалъ онъ наконецъ — вы путешествуете теперь реквизиціоннымъ способомъ, что, конечно, во время войны дѣло самое обыкновенное; но такой способъ перѣздовъ нельзя назвать комфортабельнымъ. Не согласитесь ли вы промѣнять изображеніе неизвѣстной вамъ дамы на удобную и спокойную бричку, которую я сейчасъ же прикажу подвезти къ окну.“ Мѣна состоялась; но когда, вслѣдъ за тѣмъ, бричка была заложена и я приготовился ѣхать, слуга мой обратилъ вниманіе на какую-то тайну, показавшуюся ему непрочною. „Какъ! экипажъ требуетъ починки! — воскликнулъ графъ. — Нѣтъ, это уже затрогиваетъ мою честь! Вотъ, любезный полковникъ, десять червонныхъ: прикажите исправить что нужно въ Плодѣ, который отсюда не дальше восьми миль.“ Графъ сунулъ мнѣ деньги, посадилъ въ бричку, и лошади рванулись со двора... Катясь въ отличномъ экипажѣ и размышляя о выгоднѣйшемъ обмѣнѣ ненужнаго портрета, я сказалъ самъ себѣ: „ну, Лавенштернъ, ты чертовски счастливъ съ женщинами!“

По пріѣздѣ въ Плодѣ, я посѣщивъ явиться въ главную квартиру. Адъютантъ фельдмаршала, полковникъ Панкратьевъ, сказалъ, что князь спрашивалъ обо мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего я тотчасъ же отправился къ Кузузову. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями,

подбоявить и восхититься радостью: „Наконецъ-то я вижу васъ! Его величество уже не предубиженъ противъ васъ и предоставляетъ вамъ самимъ выборъ того корпуса, при которомъ вы желали бы состоять“. Такия внезапныя перемены судьбы сначала озадачила меня; однако я скоро овладѣлъ собою, поблагодарилъ фельдмаршала за участіе въ свѣтланомъ оборотѣ дѣла и не смелъ узнать, на чемъ основывалось предубиженіе противъ меня государя императора.

— Оставивъ это до времени, все объяснится впоследствии; а теперь радуйтесь только, возразилъ князь.

— Конечно, я не могу не радоваться отъ думи; но надеюсь, что его величество возвратитъ мнѣ и обязаннѣе, свидѣнныя съ мною...

— Это разумѣется само собою; предоставьте мнѣ возбудить о томъ. Рѣшайтесь же: при какомъ корпусѣ желаете вы состоять: графа Вилгенштейна, генерала Милорадовича или барона Винцингероде?

— Я назвалъ Винцингероде, который, въ дни моего гора, принялъ во мнѣ теплое участіе.

— Ну, такъ ступайте къ князю Волконскому; онъ передастъ вамъ высочайшее повелѣніе, а я, между тѣмъ, заготовлю депешу, и вы можете ѣхать сегодня же!

И вотъ изъ лабиринта недоразумѣній, въ который втиснула меня недоброжелательство и интрига, я опять очутился на открытомъ жизненномъ пути. Много разныхъ мыслей наполнило мою голову; но теперь было не до нихъ: я явился къ князю Волконскому и получилъ нужныя бумаги. Передъ самымъ отъѣздомъ я встрѣтился на улицахъ Подоцка съ маркизомъ Пауллуччи, который недавно возвратился изъ почетнаго заточенія въ Нижнемъ-Новгородѣ и теперь былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскаго края. Онъ сообщилъ мнѣ, что и Барклай-де-Толли сейчасъ пріѣхалъ въ Подоцкъ. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ благороднымъ мужемъ. Барклай готовился идти къ государю, но остался на нѣсколько минутъ поговорить со мною, какъ любящій отецъ. Въ судьбѣ моей онъ принималъ искреннее участіе; и въ послѣдней мѣня бѣдѣ видѣлъ ударъ, направленный врагами противъ него самого. „Я еще не говорилъ съ его величествомъ—сказалъ мнѣ Барклай—и даже не знаю, что ожидаетъ меня самого; однако дѣла вашего не забуду.“

Я уже садился въ экипажъ, когда за мной прискакалъ курьеръ отъ статсъ-секретаря графа Нессельроде. У графа я нашелъ лорда Вальполя, незадолго передъ тѣмъ прїѣхавшаго изъ Вѣны. Графъ вручилъ мнѣ бумагу къ барону Винцингероде и просилъ доставить ее какъ можно поспѣшнѣе, для того, чтобы генералъ успѣлъ принять мѣры, находившіяся въ связи съ депешами, которыя повезетъ курьеръ въ Бреславль, къ королю прусскому.

Такимъ образомъ я сталъ военно-дипломатическимъ курьеромъ и, побуждаемый жаждою дѣятельности, готовъ былъ ринуться стремглавъ въ завислянскую Польшу; но именно на самой Вислѣ прїостановили меня два друга: генералъ Бистромъ и полковникъ лейбъ-егерскаго полка Рихтеръ (*). На высокомъ песчаномъ берегу, откуда открывался видъ на противоположащую плоскость, они ожидали меня съ шампанскимъ, съ токайскимъ и со свѣжимъ страсбургскимъ пастетомъ, выписаннымъ изъ Варшавы. Въ самомъ прїятномъ расположеніи духа переправился я чрезъ Вислу и помчался въ Калишь къ Винцингероде.

* * *

(*) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ; умеръ въ Варшавѣ въ 1831 году.